

Кельпи-Маррикка

Инстинкт марионетки

16+

Кельпи-Marrikka

Инстинкт марионетки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42755196

SelfPub; 2019

Аннотация

Ещё одна из многочисленных вариаций нашей Вселенной. Другой мир, где насилие – это норма общества, понятие морали двойственно, а народ – подправленная штатным магистром безликая масса. Что толку от одного выпавшего винтика? Насколько прочна система?

– Что это там? – господин Толдон с ноткой тревоги вслушался в нарастающие несвязные выкрики и поспешил к окну.

На площади как будто бы ничего не изменилось: играла музыка, усиленный техникой девичий голосок натужно выводил незамысловатый прилипчивый мотив, в толпе пестрели флаги. Уперевшись руками в массивный подоконник и свесившись вниз, посол, наконец, разглядел причину волнения. От подножия дворца к центру площади медленно шла группа из восьми человек. Пятеро дружинников, замкнув кольцо, конвоировали к концертному помосту немногочисленных пленных.

– Это зачем? – Арни Толдон недоумевающе повернулся к соратникам, успевшим присоединиться к просмотру. – Кто им разрешил?

– А кто им запретит? – лысоватый мужчина в кофейного цвета костюме, широкими шагами смерив комнату, вернулся в уже нагретое кресло. – Это ж наши защитники, герои, наша новая милиция.

Посол с опаской покосился на показательное шествие, застрявшее на подходе к сцене. Дружинники, видимо, раздумали тревожить артистов, удовлетворившись занятой позицией. На расступившемся пятачке троих мужчин со связан-

ными за спиной руками поставили на колени, парой резких пощёчин объяснив, что головы поднимать не нужно.

– Их надо вернуть, – упрямо сжал губы господин Толдон. – Революция должна ассоциироваться с победой, свободой, праздником... Глумение над пленными может здорово испортить имидж и на внешнюю политику – пятно, если подобное всплывёт...

– Генерал, разве контроль над народными отрядами не в вашей компетенции? – сухо вступила дама средних лет, со вздохом отворачиваясь от уличного представления. – Отзовите своих людей.

– Они такие же мои, как и ваши, – военный угрюмо смерил взглядом требовательную леди. – У дружинников свои командиры. Помнится, вы, госпожа Элаиза, недавно радовались их самостоятельности, решительности, рьяному патриотизму. Просили не мешать, звали «пламенными сердцами», настоящими сынами Родины... А теперь к ногтю решили прижать?

– Вы ещё попросите их оружие сдать и вернуть награбленное, – депутат весело хрюкнул в кресле, подначивая госпожу министра.

– Тем более я не стану встречать за предателей, – отрезал генерал. – Они выступили против собственного народа! Народа, который под присягой клялись защищать!

Поставленный зычный голос с каждым словом набирал угрожающую силу и громкость. Союзники невольно поёжились, всё-таки присутствие военного, пусть даже на таком неформальном совете, было не слишком желательным, но неизбежным.

– Ну, присягали-то они в первую очередь королю, – не удержавшись, заметил Стеван, легонько толкая локтем молчаливого собрата по партии.

– Не сочтите за грубость, генерал, но они... как бы это сказать... и, правда, стояли по приказу, – примирительно улыбаясь, поддержал друга парень с медной шевелюрой. – Первостепенная задача отряда – защита монаршей особы, чем они, собственно, и занимались, когда толпа выносила дверь в личные покои Его Величества. Они... свои, просто так получилось... – неуверенно пожав плечами, заключил докладчик.

– Свои, значит, – засопел Линчик, старательно сдерживая крепкие выражения. – Что ж эти «свои» к основным войскам не примкнули, когда Реберика третьего уже взяли?

Госпожа Элаиза обошла прилипшего к стеклу посла и, бросив равнодушный взгляд на закипающего вояку, направилась к книжному шкафу, горящий взор и пена у рта её давно не впечатляли, к тому же начинала болеть голова.

– Там же ещё семья его была, – недоверчиво поглядывая на оппонента, продолжил рыжеволосый депутат под покровительственным одобрением старшего товарища. – Они королеву уводили, принцессу... Мы скорее должны быть им признательны, если бы женщин впопыхах расстреляли или того похуже... вот тогда точно – международный скандал.

– Ещё бы! – очнулся господин Толдон, потирая переносицу и щуря глаза, уставшие от долгого наблюдения. – Вы же неглупый человек, генерал, подумайте о международном резонансе, санкциях, срыве торговых контрактов, наконец.

Военный махнул рукой и грузно опустился на стул. В самом деле, сотрясать воздух друг перед другом было довольно глупо. Они варились в одном котле и вершили общее дело, но в случае провала всё скатывалось к банальной, отработанной веками схеме: каждый сам за себя. Сторонние наблюдатели, представители союзного государства, господин Толдон и леди Элаиза выступали за мирное урегулирование конфликта, привозили гуманитарную помощь, подбадривали митингующих, но... их вроде как и не было. Не было массовой пропаганды, финансирования радикальных движений, грамотного руководства кураторов... Сочувствие идеям свободы и давно съеденная тушёнка – всё, что при желании можно было предъявить уважаемому территориальному соседу.

– Да что же они там так орут? – женщина нервозно стащила с носа очки, откладывая в сторону едва начатый томик бессмертного классика.

– Рвут нашивки, жгут погоны, – неодобрительно покачал головой посол, комментируя происходящее снаружи.

Эффектные чёрно-золотые мундиры пленных успели превратиться в нечто невразумительное, да и сами они после бомбардировки фруктами из ближайшей торговой палатки потеряли вид и парадный лоск, всегда присущий королевской охране.

– И это элитное подразделение? – недоверчиво поинтересовался Толдон, глядя на пошатывающихся, забитых солдат.

Один из ярких активистов заводил толпу, что-то, срываясь, орал пленным в лицо, поднимал с колен и тут же короткими тычками опрокидывал обратно.

Генерал снял с пояса бинокль и занял место у окна, широким плечом потеснив посла.

– Будете смеяться, – изрёк он после продолжительной паузы, – но действующий боец там только один.

– Как это? – озвучил общую настороженность Стеван.

– Расцветка у формы та же, а волосы сбриты... Курсанты, – снисходительно пояснил военный. – Небось, вместе с

командирами в оборону встали... Храбрые такие, герои, – насмешливо оскалился Линчик, – ну, теперь и нечего сопли на кулак наматывать.

– Вам не кажется, что это уже слишком? – осторожно начал Арни Толдон, принимая из чужих рук походный бинокль. – Их же могут покалечить.

– Ну, что вы, господин посол, – торопливо всплеснул руками Драган, – это же не фильм ужасов, в коих так силён ваш синематограф. Люди на праздник пришли, с детьми, с флажками... Что ж вы думаете, они беззащитных пленных тронут?

– В самом деле, Арни! – по-дружески упрекнул лысый. – Сгущаешь краски. Ну, покричат, пар выпустят, надо просто подождать, пока волна пройдёт.

– Нельзя отнимать грелку у бешеного Тузика, – добродушно пошутил парень. Толдон непонимающе поднял бровь. – Фольклор, не берите в голову, – поспешил оправдаться рыжий.

– Отличные у нас депутаты, – ехидно заметил генерал, – это ж надо было народ с бешеной собакой сравнить!

– Откровенно признаться, культуры в массах не хватает, – болезненно потерев висок, высказалась госпожа министр. – Отсюда и отсталость экономики, и вот такие «праздники».

Линчик склонил голову набок, насмешливо уставившись на аристократично расправившую плечи женщину.

– Однако, это вы к нам пришли, госпожа Элаиза, – облизав губы, усмехнулся генерал, с интересом ожидая ноту протеста от вострепнувшей дамы.

Толдон еле сдержался, чтобы не застонать вслух. Мало ему было бесконечного лавирования, недомолвок, угадывания, просчёта всех возможностей и рисков, сведения к компромиссу вечно грызущейся верхушки... Работа – его жизнь, он так привык. Но есть же разумный предел? Сейчас, здесь, в этой комнате, ожидая окончательной капитуляции взятого под домашний арест монарха, можно было просто тихо посидеть? Не ища повод для стычки и не играя на и без того натянутых нервах.

– Может быть, чаю? – посол выжидательно окинул взглядом собравшихся, снимая телефонную трубку.

Идея оказалась удачной. После двухчасового нахождения в четырёх стенах и утомительной маеты все были непрочь немного подкрепиться. Уже через двадцать минут после звонка в кабинете появилась миниатюрная девчушка в фартуке с целой тележкой еды. Депутаты – революционеры с радостными возгласами первыми подтянулись к столу, двигая кресла и сходу наполняя тарелки приглянувшейся снедью. Генерал, вполне миролюбиво что-то насвистывая под нос, вплотную занялся утиным боком, потеряв всякий интерес к

политическим прениям. Сам Толдон ограничился неизменной чашкой кофе, а его землячка заказала таблетку от мигрени, болезненно морща идеальный высокий лоб.

– Что ж вы мучаетесь, леди Элаиза? – уже начиная добреть от второй порции виски, удивился Линчик. – А как же этот... которого вы с собой привезли, – старательно вспоминая слово, наморщил лоб военный, – мозгоправ... волшебник... экстрасенс?

– Штатный магистр парапсихологии, – устало пояснила госпожа министр. – У мистера Джарка есть и более важные дела, а я обойдусь таблеткой.

– Ну, давайте хоть к столу позовём «всемогущего», – крихтя, поднялся Линчик. – Да он же дрыхнет! – хохотнул генерал, заглядывая в соседнюю комнату. – Магистр! Просыпайтесь, атака драконов!

– Что вы творите? – возмущённо привстала леди, – мистер Джарка наверняка в медитативном трансе! Думаете, ментальное воздействие легко даётся?

– Мы вам помешали, магистр? – виновато поинтересовался Толдон у пробирающегося к столу старичка.

Мистер Джарка выглядел, и правда, слегка сонно и помято: толстая хлопковая рубашка смешно топорщилась из-под жилетки. Маг подслеповато моргал и отвечал на приветствия рассеянной улыбкой.

– Я сильно извиняюсь, – добродушно пробасил генерал, поглядывая на замешкавшегося от разнообразия блюд штатного чародея, – но нельзя же позволять даме так страдать! Вам-то это раз плюнуть: абра – кадабра и всё...

Пожилой магистр придирчиво уточнил у хлопочущей вокруг стола подавальщицы состав всех салатов и, наполнив тарелку вегетарианским счастьем, слабо усмехнулся:

– Абра-кадабра... ну, не совсем так. А что случилось? Госпожа Элаиза, у вас опять мигрень? – густые пепельные брови взлетели вверх. Светло-голубые, почти обесцветившиеся от возраста глаза притягивали, но ничего не выражали. – Если нужно, то я, конечно, могу унять боль.

– Не стоит беспокоиться, – учтиво отклонила помощь госпожа министр. – Скоро пройдёт, я приняла лекарство. Ваша задача куда важнее, не стоит разменивать энергию по мелочам.

– Bravo! – хлопнул в ладоши Стеван. – Вот оно – самопожертвование ради всеобщего блага!

Леди Элаиза недовольно поджала губы. Последние полгода ей слишком часто приходилось заниматься не своим делом: самолично участвовать в агитации, ездить по убогим захолустьям, восторженно жать руки, вдохновенно вещать

про благо революции, новый мир и поддержку союзных государств. Казалось, ещё пара-тройка месяцев в этой варварской стране, и она сама поверит в то, что говорит. Это пугало достопочтенную даму, ранее не страдавшую опасными иллюзиями.

Госпожа министр повернула на запястье браслет с миниатюрными часиками и глубоко вздохнула: вот он, момент истины, результат всех её трудов, многоходовых комбинаций и натянутых улыбок... Но нужно сделать над собой последнее усилие.

– Господа, я бесконечно ценю ваше общество и горжусь, что имела честь работать бок о бок с такими самоотверженными людьми.

Собратья по политическому оружию удивлённо воззрились на «каменную» леди, вдруг взявшую официальный тон.

– Четыре часа, – невозмутимо пояснила госпожа Элаиза, переводя взгляд на разомлевшего соотечественника.

– И правда, – спохватился Толдон, – Господа, пора проводить глубокоуважаемого короля и узнать его решение. Мистер Стеван, вы не будете так любезны? – осведомился посол, разбивая деловым тоном неловкую паузу.

– Бывшего короля, – поправляя костюм, предостерегающе уточнил народный депутат.

Арни Толдон с готовностью извинился и, что-то напутственно нашёптывая парламентёру, проводил того на лестницу.

Через приоткрытое окно в кабинет влетела песня: чистая, звонкая, про военное братство, честь и совесть, любовь к жизни и Родине. К поставленному голосу артиста вскоре присоединились другие, уступающие по технике и красоте, но увеличивающие мощь, цепляющие за душу неизжитой правдой.

– Сильно! – юный политический деятель шмыгнул носом, украдкой вытерев скупую слезу. Хотя, на сей раз, смущение было излишним, слегка растрогалась даже «каменная леди». – Мистер Джарка, простите мои сомнения, но... – развёл руками депутат, – вы всерьёз утверждаете, что способны управлять вот этим? Волей народа, святыми стремлениями, сиюминутными порывами?

– Мистер Драган, я это видел – опередив ответчика, без лишней сентиментальности встрял генерал. – Тоже не верил... Помните, нам срочно потребовалось перекрыть вокзалы, чтоб обособить столицу?

Молодой человек озадаченно кивнул:

– Железнодорожники давно были недовольны, вот и началась забастовка! Да, она началась очень вовремя, но...

– Очень вовремя, – усмехнулся Линчик, – и там, где надо.

– У магистра ушло на это чуть больше восьми часов, – подтвердила госпожа министр. – Как видите, наше правительство предоставило лучшие кадры.

– Я предпочитаю думать, что революцию сделал народ, а не зомбипрограммирование, – растерянно пожал плечами рыжий. – Хотя, не спорю, главное результат.

– Ну, что вы, молодой человек, не переживайте, – сочувственно улыбнулся маг. – Конечно, народ. И, боже упаси, никаких зомби – это не моя специализация.

– А какая ваша? – недоверчиво уточнил Драган.

Старичок задумался, изредка поглядывая на оппонента, словно подстраиваясь под его интеллектуальный уровень.

– Возьмём конкретный пример: забастовку на вокзалах, которую упомянул господин генерал, – неторопливо начал магистр, срезая с приглянувшегося яблока тонкую полоску кожуры. – Как вы верно заметили, недовольство уровнем жизни у рабочих уже имелось. И, возможно, когда-нибудь они всё же вышли бы на улицы или направили в парламент коллективную жалобу, или... кто его знает, я же не провидец, – мягко усмехнулся мистер Джарка. – Но вам потребовалось, чтоб все эти люди посчитали своим гражданским долгом перекрыть три конкретных вокзала, ровно десятого числа и удерживать их не меньше двух недель. Верно?

– Хотите сказать, вы внушили им эту мысль?

– Нет, мистер Драган, я ничего не внушаю, – покачал головой магистр. – Я работаю с тем, что уже имеется: мыслями, страхами, инстинктами...

– И надо признать, у вас отлично получается! – в кабинет широкими шагами влетел старший депутат.

– Мистер Стеван, вы быстро, – поперхнулся чаем посол. – Похоже, у нас всё получилось?

– Революция победила! – довольно заявил мужчина, потирая руки. – Монарх добровольно передаёт всю власть парламенту и вместе с семьёй навсегда покидает свободную республику. Но у него есть одна маленькая просьба, – на радостях депутат одним махом осушил бокал красного. – Нет, это не то, – уныло сморщился он. – Шампанского, лучшего шампанского сюда!

Девчушка кивнула и расторопно покинула кабинет, не забыв прихватить стопку грязных тарелок.

– Шампанское вполне уместно, – милостиво согласилась госпожа министр, успокаивая чересчур взбудораженного политического деятеля, – но что за условие? Король хочет откуп? Или формальное сохранение титула? Если он требует гарантий безопасности и денежное довольствие, то...

Стеван активно замотал головой, поднимая руки:

– Да перестаньте, милая Элаиза, наш низложенный правитель рад уже тому, что его не пристрелили где-нибудь в застенках, – весело рассмеялся депутат. – Всё гораздо проще! Окна королевских покоев тоже выходят на площадь. И монарх с самого утра слушает, как народные массы склоняют титул Его Величества на все лады, ещё и эти пленные... личное подразделение... – лысый нервно одёрнул идеально подогнанный по фигуре пиджак. – Конечно, ему было неприятно видеть, как у спасителей вырезают на лбу слово «предатель».

– Ну, ясно, – утомлённо вздохнул посол, – Реберик третий желает, чтоб солдат отпустили...

Господин Толдон безотчётно перебирал пальцами по бокалу игристого вина, пытаясь, как всегда, найти консенсус. Забрать пленных с площади, обозлить и настроить против себя вооружённые отряды... Поставить под угрозу лояльность целой страны из-за трёх человек... Из задумчивости его вывел дружеский хлопок по плечу:

– Арни, просто выпей, – настоял депутат, легонько подталкивая того под локоть. – Наш бывший король ни словом не обмолвился о пленных. Он просит перевести его вместе с семейством в покои южного крыла, оттуда открывается отличный вид на садовые пруды.

– И только? – удивлённо замер посол. – Больше никаких требований? Точно? Слава богу! – с облегчением выдохнул Толдон. – Приятно иметь дело с разумным, адекватным политиком.

Обстановка заметно оживилась, рядовой бизнес-ланч грозил неминуемо перерасти в грандиозное торжество. Прислуга несколько раз меняла главные блюда, которые всё больше походили на закуски, лучшее трофейное вино из подвалов Его Величества заняло почётное место на столе победителя.

– Признайтесь, магистр, без вас и тут не обошлось? – поймав на тонкую шпажку очередную оливку, прищурился Стеван. – Капитуляция всего за четыре часа, без всяких требований... Снимаю шляпу.

Мистер Джарка упёрся подбородком в сцепленные пальцы и медленно покачал головой:

– Господа, не хотелось бы вас разочаровывать, но... нет. Такая задача передо мной не ставилась. Видимо, Реберик третий и в самом деле не так уж глуп.

– Я услышал только часть спора, но мне тоже интересно... Как вы это делаете? – искренне восхитился старший депутат. – Хорошо, направить мысли в нужное русло, зациклить

их, манипулировать страхами – это ещё можно как-то принять за инструмент воздействия, – Стеван задумчиво выбил пальцами по столу ритмичную дробь. – А при чём здесь инстинкты?

– Ну, как же? – в старческих глазах сквозило терпеливое снисхождение. – Первобытный предок, незамутнённый нормами морали, сомнениями, стыдом – он есть в каждом. И если его вытащить на свет...

Непринуждённую атмосферу трапезы разорвали одиночные выстрелы.

– В воздух? – неуверенно предположил народный избранник, оглядывая переставших жевать соратников.

Линчик, сидевший к окну ближе всех, со скрипом отодвинул стул, навалился на подоконник. В повисшей тишине военный досадливо прицокнул языком и, продолжая изучать детали в бинокль, покачал головой:

– Двое – в минус.

– То есть как? – растерянно моргнул рыжий. – Насмерть?

Десертные ножи гулко звякнули, рассыпаясь по узорчатому паркету. Соратники как по команде обернулись на звук. Прислуга подрагивающими руками собирала с пола зеркально начищенное серебро. За последние десять секунд она ста-

ла на пару тонов белее и, судя по всему, отчаянно боролась с накрывающей слабостью.

– Ну что вы, моя дорогая! Вам плохо? – Толдон поспешил к потерявшейся подавальщице. – Садитесь в кресло. Да бог с ними, с этими ножами, мы и сами соберём. Вот, выпейте сока.

Девушка рассеянно кивнула, с испугом поглядывая на зашумевших вокруг политиков, и торопливо принялась за-
верять, что всё хорошо, и дотолкать тележку до лифта она в состоянии.

– Вот ведь, – задумчиво хмыкнул посол, когда дверь за прислугой закрылась. – Впечатлительная барышня.

– Молоденькая совсем, – хрипловато отозвалась госпожа Элаиза, не отрывая гудящей головы от спинки гостевого дивана – Расстрел пленных – это было неожиданно... чудовищно. Но ведь надо стараться держать себя в руках.

– М-да... мне думалось, что придворные подавальщицы более стрессоустойчивы и, как бы это сказать, – господин Толдон неловко замялся, – эффектны...

– На самом деле, да, – присоединился к дискуссии Стеван, – немного нескладная, носик как у Буратинки...

– С кухни она! – снисходительно пояснил генерал, подбирая куском хлеба остатки соуса с тарелки. – Не видно, что

ли? Сервировать толком не умеет, из рук всё сыплется. Разбежались придворные крали сразу после штурма, у солдатиков ведь тоже губа – не дура. А осталось... то, что осталось, – насмешливо развёл он руками.

– Да бог с ней, – судорожно отмахнулся рыжий, не сводя глаз с площади, – там... – парень резко дёрнулся, вцепляясь в подоконник.

– Что? Нормально сказать можно? Третьего, что ли, доби-ли? – не вытерпел Линчик, выдирая из рук сморщившегося депутата бинокль.

В четырёхкратном увеличении оптических линз толпа переставала быть безликой, у неё имелись тысячи глаз: потрясённых и жадных до зрелищ, возбуждённых и уставших, ненавидящих и подёрнутых слезами. У толпы было множество ртов, способных с лёгкостью заглушить и вой полицейских сирен, и вышколенный оркестр, и голоса приглашённых певцов, но людское море лишь монотонно вздыхало и шелестело, словно прибойная волна, разбившая о скалу всю свою ярость. Плотное кольцо любопытных, подпирающих дружину, поредело. Оставшиеся с недоумением взирали на возящегося в пыли солдата. А тот нелепо барахтался, мажа кровью серые камни, бестолково тряс головой и вертелся, натываясь на трупы сослуживцев.

– Ему выкололи глаза, – сглотнув ком в горле, выдохнул Драган. – Это невозможно... Как же? – жалобно уставился

он на остальных. – Надо что-то сделать!

– Поздно, – помолчав, произнёс Линчик.

– Но нам ведь этого не простят! Господин Толдон, вы же сами говорили! – обескураженно повернулся к послу рыжий. – Имидж страны, внешняя политика... Генерал, пошлите кого-нибудь! Если мы проявим милосердие, нам это зачтётся!

– Какое милосердие? – военный раздражённо двинул в сторону стул, оказавшийся на его пути к депутату. – Вы на парня внимательно сейчас посмотрите! – генерал с силой пихнул ему свой бинокль. – Кого вы предъявите общественности? Замученного калеку? Полутруп? Нас ещё и преступниками потом объявят!

– Я с самого начала был против самосуда, но... мистер Драган, вы же сами цитировали народную мудрость, – заметил посол, с сочувствием глядя на молодого человека, – и вот теперь она верна как никогда. Спасать уже некого...

Депутат замер. В одеревеневших пальцах подрагивал бинокль, воспользоваться которым было выше его сил. Подняв голову, он встретился взглядом со старшим товарищем. Стеван отвернулся.

– Ради будущего... ради свободы... – тихо попросил наставник, – надо потерпеть... Мы не можем дискредитировать революцию, не сейчас...

– Выкололи глаза... кошмарно, – прикрыла рукой лицо госпожа министр, – я думаю, что таким неуравновешенным личностям не место в новой армии. И это страшный урок, – тяжело вздохнула она, сжав рукой плечо молодого слуги народа. – Страшный... Больше таких ошибок не будет. Но... об этом случае распространяться не стоит.

– Расправы над военнопленными не было, – тихо и твёрдо произнёс Толдон, созерцая собственные ботинки. – Нет тел, нет виноватых. Слухи, конечно, будут... Но это только слухи.

Посол прошёлся быстрым взглядом по лицам соратников и одобрительно кивнул:

– Драган, вы перенервничали, давайте я спрошу для вас успокоительных капель.

Народный избранник не стал возражать, передав ненавистный оптический прибор другу, он опустил на подлокотник кресла, игнорируя мягкое сиденье.

– Сейчас, одну минуту... где там наша девчушка... – господин Толдон, взялся за телефонную трубку, набирая короткий служебный номер.

– Оставьте, Арни, она занята, – мрачно произнёс Стеван, разглядывая что-то на площади. – Буратинка... Ты посмот-

ри, что творит...

Соратники недоверчиво потянулись к окну, на месте остался лишь Драган. Магистр всё же усадил его в кресло и теперь совершал короткие пассы руками над головой депутата.

Успокоившаяся было толпа вновь загудела, но со стороны трудно было разобрать её настроение.

Молоденькая девушка в тёмно-коричневом платье прислуги пыталась тащить слепого солдата. Тот, как ни странно, до сих пор был в сознании и к тому же ошалело выворачивался из незнакомых рук. Дружинники откровенно ржали, не мешая представлению.

– Господи! – взвыл Толдон, отбрасывая хвалёное хладнокровие. – Эта-то куда полезла?!

– Говорю же, с кухни она! Ей до политики как корове до пианино, – пробасил генерал. – В голову вступило – и побежала!

– Прислугу во дворце на лояльность кто-нибудь проверял? – раздражённо поинтересовалась леди Элаиза. – Может быть, она из оппозиции? Внедрённый провокатор. Если её цель – скомпрометировать неокрепшую власть, то момент выбран крайне удачно.

Линчик, сопя, отнял у депутата бинокль. Камень был явно в его огород.

Пленный перестал сопротивляться, то ли, наконец, поняв, что ему хотят помочь, то ли просто выбившись из сил. Девушка в очередной раз закинула руку солдата себе на плечо, подрагивая в коленях, выпрямилась и чуть не завалилась набок, удерживая в вертикали чужое тело. Неловкий шаг, шаг, снова шаг... Они прошли всего пару метров, и парень, отключаясь, опрокинул на камни свою спасительницу. Девчушка принялась его тормозить, тянуть и, совсем отчаявшись, обхватила поперёк груди и потащила волоком. Ноша была ей не по силам, это видели все. Конвоиры подначивали ревущую от бессилья кухарку скабрёзными шутками, выкриками, гиканьем и хлопками. Двое из них заключили пари, хватит ли цыплячьих силёнок до первого фонаря, около пятидесяти зрителей уже успели присоединиться, уступая дорогу под свист и возрастающие ставки.

– Да ну... Какой из неё диверсант, – возмущённо отмахнулся Линчик, глядя, как подавальщица окровавленными руками размазывает по лицу сопли и слёзы. – Просто... баба, что с неё возьмёшь.

Госпожа министр сухо кашлянула, воинственно сощурившись. Толдон глубоко вздохнул:

– Леди Элаиза, не обижайтесь, к вам это не относится. Вы не баба, а серьёзный политический деятель. И вы никогда бы так не поступили.

– Недалёкая и упёртая – опасное сочетание, – задумчиво потёр подбородок депутат, наблюдая за уличной вознёй. – А если всё-таки утащит?

– Плохо, – прокручивая в голове дальнейшие события, прицокнул языком посол. – Совсем ничего хорошего. При умелой подаче данный инцидент могут воспринять уже не просто как волю толпы, а как показательную казнь при попустительстве властей, разгорающуюся анархию...

– Анархия по соседству не нужна никому, – правильно понял его опасения Стеван.

– Мистер Джарка, оставьте нашего болезного друга. Он не при смерти, – тактично вступила леди Элаиза. – Ваша помощь государству сейчас куда нужнее.

Пожилой магистр сделал ещё пару только ему понятных движений и, оставив спящего, присоединился к наблюдателям.

– Очень интересный случай, – оправдывая заминку, проворчал волшебник. – Открытый транс в ответ на стандартные манипуляции – большая редкость...

– Мистер Джарка, вы сможете заняться изучением этого

феномена чуть позже, – как можно более сдержанно попросила госпожа министр. – Сейчас не совсем подходящее время для опытов.

– Да-да, конечно, – покладисто согласился магистр. – Просто открытый транс сложно повторить, и длится он всего пару минут. Могут всплыть колоссальные объёмы информации, прошлые жизни, мелькнуть будущее или даже параллельная реальность...

– Мистер Джарка, – требовательно прервал старика военный. – Давайте останемся в рамках этой вселенной, у нас и здесь проблем хватает.

– Я так понимаю, вам мешает вон та настойчивая барышня, – пожевав губу, сдался маг. – Генерал, у вас же снайперы на крыше... Зачем вам ментальная магия?

– Нам только мучениц не хватало, – сердито отрезала госпожа министр. – Расстрел молоденьких девушек редко воспринимается на «ура» даже среди подогретой публики.

– Стоп! – возбуждённо замахал руками Стеван. – Давайте сделаем наоборот. Магистр, вы же можете смягчить парней с повязками на рукавах? Пусть они уведут героев с улицы тихо, мирно, по-хорошему. Потом без свидетелей мы что-нибудь придумаем...

– Дорогой мой, вы же понимаете, что это дело не пяти минут? – удивлённо хмыкнул волшебник. – Я работаю над их психикой уже почти год. Повышенная агрессивность, борьба за лидерство, за территорию, нетерпимость к соро-

дичам, ограниченная восприимчивость... Я предупреждал, что некоторые изменения необратимы.

– Хорошо, ладно... – потерял шевелюру посол. – Кухарка... манипуляций не было, девственно-чистая психика. – С ней можно что-то сделать прямо сейчас? – посол нервно покосился вниз, на площадь, где юная дурочка продолжала ломать комедию.

– Давайте попробуем, – флегматично согласился мистер Джарка, подходя вплотную к стеклу.

За это время подавальщице удалось немного растормозить солдата. Засохшая бурая корка превращала его лицо в жутковатую маску, криво вырезанные буквы на лбу распухли и почти не читались. Кто бы теперь поверил, что ещё совсем недавно невесты стайками бегали к тренировочному плацу поглазеть на симпатичного бойца. Растрёпанная, измазанная в чужой крови и уличной грязи спасительница выглядела немногим лучше. Девушка затравленно озиралась, ища в расступающейся толпе помощи. Слышались одиночные сочувственные выкрики, призывы прекратить спектакль, воззвания в никуда. Даже со сцены, про которую празднующие успели благополучно забыть, звучали осторожные просьбы о милосердии. Люди переглядывались, шушукались, но тащить на себе тело идейного врага под нацеленными в спину автоматами никто не спешил.

Мистер Джарка безотрывно следил за нескладной, худо-

щавой фигуркой, его зрачки расширились и застыли, создавая не очень приятное сходство с трупом. Присутствующие старались не шуметь, боясь нарушить предельную концентрацию мага. Воздух стал как будто бы гуще, душной ватой забивая лёгкие. Мистер Драган, послушно дремавший в кресле, беспокойно завозился, и у него пошла носом кровь. По кабинету отдачей поплыли силовые волны, где-то на подсознательном уровне вызывая дискомфорт, колкими шупальцами стучась в подкорку.

Девчушка на площади под визг выигравших пари доволкла слабо перебирающее ногами тело до первого фонаря. Большая часть пути была пройдена, дальше дорога, где можно поймать машину, вызвать скорую помощь... Подавальщица вдруг остановилась, прислонила раненого к металлической опоре и растерянно огляделась, словно забыв, что здесь делает. С минуту она озиралась, иногда бессильно всхлипывая и сжимая виски тоненькими подрагивающими пальчиками. Кровавая маска шевельнулась, губы разомкнулись. Парламентариям этого слышно не было, но, видимо, солдат застонал. Девчушка тряхнула головой, подвернула мешающийся под руками передник и потащила бойца дальше.

– И что?... Это всё? Всё, что получилось сделать? – оторопело уставился на волшебника Стеван.

– На данном этапе – да, – бесстрастно кивнул мистер

Джарка, сморгнув тьму в глазах и становясь вновь похожим на добродушного дедушку.

– А как же работа с мыслями? – всё ещё не веря в отсутствие результата, уточнил Толдон. – И страх... Неужели нельзя усилить его настолько, чтобы девочка отказалась от этой самоубийственной затеи?

– Какие там мысли, – легко улыбнулся магистр, разводя руками. – Блондинка... И ей уже страшно. Очень страшно, что она не сможет его дотащить.

До дороги оставалось чуть больше ста метров. Отсутствующий взгляд, медленные, однообразные движения, казалось, кухарка машинально переставляет ноги, плохо сообщая и выпадая из реальности. Но шансы всё-таки возросли. Солдата волокли уже двое. Пожилая женщина, хрипло дыша, что-то успокоительно бормотала и до судорог в пальцах сжимала расползающийся мундир.

– Ещё одна, – генерал в сердцах припечатал рукою подоконник, – из самой песок скоро посыплется, а туда же... Начитались романов... курицы...

– Это мать, – уточнил мистер Джарка, с любопытством разглядывая помощницу.

– В каком смысле? – сердито дёрнул плечами депутат, пригладив лысину. – У него есть мать?

– Ну, скорее всего, есть, – снисходительно пояснил ма-

гистр. – Так же как и у любого другого.

Пожилая женщина, с трудом отцепившись от сына, торопливо заковыляла к проезжей части, на ходу вытряхивая из карманов звенящую мелочь вперемешку с мятыми купюрами. Дружинники перестали смеяться. Один из них схватил оставшуюся возле раненого кухарку за волосы и отшвырнул прочь, двое других потащили обратно недобитый трофей. Девчушка судорожно вскочила и побежала следом. Она мешалась под ногами и кидалась на мужчин как прилипчивая собачонка. Поначалу от дурочки просто отмахивались, но терпение народной охраны быстро закончилось. Удар прикладом в лицо, и хрупко тельце упало навзничь, свернувшись калачиком под отборной руганью и профилактическими пинками.

Толдон, хмурясь, ещё не успел высказать свои опасения по этому поводу, а маг уже знал наверняка.

Что-то сломалось пару секунд назад, и это была не просто переносица девчонки. Вот из толпы выскочил один недовольный и сцепился с дружиной, вот в потасовку встрял второй, третий... восьмой... Конвоиры дрогнули, рявкнула автоматная очередь, на сей раз предупреждающе, в воздух. Отряд бросил пленного и стал организованно отступать. Провоцировать взбрыкнувшую толпу героям не хотелось. Через минуту подъехало такси, сочувствующие помогли уложить бойца на сиденье. Мать села рядом, придерживая голову пар-

ня и, склонившись к самому уху, мелодично шепча нараспев. Подавальщицу привели под руки двое мужчин и помогли забраться в машину. Нос девчушки съехал набок и превратился в гигантскую картошку, под глазами стремительно наливались синяки. Но она как ненормальная улыбалась и без конца благодарила за помощь, за машину, за воду...

Когда такси скрылось из виду, посол повернулся спиной к окну, устало потирая глаза. Генерал, кряхтя, убрал бинокль. Ничего интересного на площади больше не предвиделось.

– Давайте не будем унывать раньше времени, – привычно вступил господин Толдон, оглядывая хмурую публику. – Конечно, мы обязаны сводить все риски к минимуму, а угрозы, пусть даже маловероятные, устранять на корню... Но форсмажоры всё же случаются, вот как сегодня.

– По мне, всё не так страшно, – вытряхивая из кармана таблетку от изжоги, поморщился Линчик. – Кухарка, бабка и калека, который, скорее всего, вообще нежилец. Да они забьются в самый дальний угол, тише мышей будут сидеть, им не до журналистов и не до арбитражного суда. А высунутся – поминай, как звали.

– Дело уже не в этих троих... – глубоко вздохнув, покачала головой леди Элаиза. – Вы видели реакцию народа? Это слом шаблона, почти треть митингующих действовала самостоятельно. Если мы не управляем толпой, то чем мы тогда

управляем?

– Поправите вы свой шаблон, – не видя проблемы, пожал плечами генерал. – Выступите на телевидении, по радио пару трансляций... А мистер Джарка в это время поработает, так сказать, в широком диапазоне вещания. Господин магистр, так же можно? Через передающие устройства?

Маг одобритительно кивнул.

– Думаю, это будет нелишним, – согласился Толдон. – Я свяжусь с руководством по вопросу дополнительного финансирования.

– Чтобы мы без вас делали... – расплылся в благодарной улыбке Стеван. – Свободная республика никогда не забудет своих союзников, да и в долгу не останется.

– Как раз на это мы и надеемся, – тактично подметила госпожа министр.

– Друзья мои, если новых государственных переворотов до вечера не ожидается, я хотел бы откланяться, – напомнил о себе мистер Джарка. – Возраст и энергозатраты... мне нужно прилечь.

– Конечно, магистр, не смеем вас задерживать, – леди Элиза самолично проводила уставшего старика в выделенную комнату. – Совет окончен, пора расходиться.

– М-да, день был очень неоднозначный, – заново перебирая упакованные в портфель документы, подтвердил госпо-

дин Толдон, – но главное сделано – монарх отрёкся от престола, настала пора официальных выступлений. Свободную республику надо подать в выгодном свете...

– Я думаю, мы вполне можем обговорить это завтра, – покивал депутат. – И лучше в большом зале, без окон.

– И без меня, – забирая с вешалки фуражку, распрощался генерал. – Порядок надо наводить! – Его мобильный телефон, и правда, последние двадцать минут трезвонил без передыху, Линчик угрожающе сопел, рычал в трубку и изредка матерился, обещая кому-то то трибунал, то служебный перевод на урановые шахты.

Кабинет опустел, Стеван устало потрянул головой и с сожалением повертел в руках пустую бутылку. Никогда в жизни он больше не согласится находиться в одной комнате с работающим магом – препаршивейшие ощущения в процессе и чувство лёгкого отупения потом. Казалось, что бессловесный ментальный шепоток залился в уши и до сих пор, ища лазейку, омывает черепную коробку. Народный избранник подавил детское желание попрыгать на одной ноге, вытрясая лишнюю жидкость, и пошёл будить безмятежно дрыхнувшего коллегу.

– Я проспал? – жалобно потёр глаза Драган. – Все уже ушли...

– Не расстраивайтесь, – усмехнулся мужчина, – думаю, и

нам пора. Кстати, у вас кровь под носом запеклась – наш друг магистр сегодня был в ударе.

Молодой человек наскоро привёл в надлежащий вид себя и помятый костюм, старший товарищ уже ожидал его на лестнице. Стевану хотелось воздуха и обычного уличного шума, дворцовая помпезность отчего-то давила грудь, а может быть, он просто перебрал с креплёнными напитками, вот сердечко и зашалило, нервы ни к чёрту...

– Я вам сегодня ещё нужен? – легко перебирая ногами ступеньки, поинтересовался парень. – Я не устал, если нужно что-нибудь подготовить к завтрашнему совету...

Депутат вздохнул с лёгкой завистью: вот, она молодость – час поспал, и солнце снова светит...

– Хватит на сегодня, – Стеван дождался, когда парень с ним поравняется, и неторопливо продолжил движение. – Думаю, наши благодетели уже накропали сценарий судеб на ближайшую пятилетку. Послушаем, посмотрим... торопиться не стоит, – вздохнул он, потирая тяжёлую голову. – У вас совсем ничего не болит? – мужчина недоверчиво покосился на бодрого парламентария. – Во время сеанса была такая отдача... Госпожа министр дважды желудок чистила, да и у меня, кажись, шевелюра окончательно поредела...

Драган покачал головой:

– Меня настигла другая кара, – весело шмыгнул носом парень. – Не буду больше злить штатных магов. Хотя... может быть, мистер Джарка тут и ни при чём... Кошмары после выколотых глаз – это ведь нормально?

– Абсолютно нормально, – подтвердил депутат. Перегруженное сердце предательски кольнуло, и во рту стало сухо. Стеван закашлялся, поневоле остановившись. – Вам приснилось что-то плохое? Про кого?

– Ну... в общем-то, про всех, – неловко замялся Драган. – Такая чушь... Гильотина на площади, корзина «для правительственных голов», и всё под музыку, под гимн свободной республики...

Депутат с облегчением выдохнул, рассеянная улыбка тронула губы:

– Эшафот? Это уж слишком... Святой инквизиции там случайно не наблюдалось?

– Нет, – молодой человек, смешно поморщил нос, припоминая. – Но страшно было, аж коленки подгибались! – горячо заверил он веселящегося друга. – Ей-богу!

– Мистер Джарка, оказывается, большой оригинал, – подбодрил наставник. – Сляпал для вас знатный ужастик, к тому же, с историческим уклоном. А вот, кстати, ещё одна жертва

магического искусства.

Со стороны уборных комнат показался генерал. Хмурясь, он потирал живот и то и дело вновь поглядывал на покинутое сан. техническое помещение.

– Генерал, догоняйте, – дружески окликнул Стеван. – Вы домой?

– Какое там... – отмахнулся Линчик, степенно спускаясь по широкой, укрытой ковром лестнице. – Развинтились все, свободу почуяли! Не армия, а сплошная самодеятельность!

– Что на этот раз? – озаботился народный избранник, тоскливо поглядывая на парадный выход. – Опять грабежи?

– И грабежи тоже, – с готовностью подтвердил генерал, – но тут другое... А вы знаете, дорогие мои, что дворец остался без охраны?

– То есть? – не понял парень. – В столице внутренние войска и народная дружина...

– Дружина мне неподконтрольна: сегодня есть, завтра нет, а регулярные части бунтуют, – мрачно усмехнулся Линчик. – Вот что бывает, когда бабы лезут не в своё дело! Прямо как чума расплзается... А теперь ещё и Карзанский двор в руинах! – добил он онемевших депутатов.

– Кто посмел? Это ж культурная часть города! – возмутился Драган. – Оппозиция?

– «Пламенные сердца», любимчики дорогой Элаизы! –

зло хмыкнул военный. – Надо будить магистра, пусть назад свою шарманку крутит, а то эти «первобытные шедевры» всю столицу разнесут. Час назад взяли штурмом государственный музей, экспроприировали народные богатства на нужды революции. Всё растащили! Даже гильотину выволокли! Идиоты... Вот зачем им гильотина? – Линчик требовательно уставился на соратников, переводя взгляд с одного бледного лица на другое. – Зачем?

В оформлении обложки использована фотография с <https://pixabay.com/ru/photos/%D1%80%D1%83%D0%BA%D0%B0-%D0%BA%D1%83%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D1%81%D0%BD%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%BA-784077/> по лицензии ССО.